

М. М. Громыко

ПРОБЛЕМЫ И ИСТОЧНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТИЧЕСКИХ ТРАДИЦИЙ РУССКИХ КРЕСТЬЯН XIX В.

За последние годы в советской этнографической и исторической литературе четко определилась и уже неоднократно была сформулирована задача исследования общественного сознания крестьянства. Необходимость комплексного использования для этой цели исторических, этнографических, социологических, фольклорных и литературоведческих источников и методов исследования признана специалистами разных профилей.

В течение полутора десятков лет получены существенные результаты. Опубликованные исследования можно сгруппировать в основном по двум крупным проблемам: социальные взгляды крестьян¹; смысловое содержание календарных и семейных обрядов и некоторых верований (преимущественно пережитки язычества, а также народная демонология)².

Кроме того, в рамках этнографии поставлена общая задача разностороннего исследования народных традиций в связи с этническим самосознанием³.

Все это подготовило обращение к этическим традициям русского крестьянства как к самостоятельной исследовательской теме. Крестьянство, выделяемое из структуры общества по социальному признаку и включавшее подавляющую часть трудового населения, составляло в то же время большинство нации. Соответственно при рассмотрении традиционных крестьянских норм поведения необходимо сочетать этнический и социальный аспекты.

Речь идет о нормах поведения, не регулировавшихся юридическими установлениями; нарушение их не подлежало наказанию — ни по государственному, ни даже (как правило) по обычному праву. Такие нормы

¹ «Крестьянская война в России в 1773—1775 гг. Восстание Пугачева». Л., 1966; К. В. Чистов. Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967; В. К. Соколова. Русские исторические предания. М., 1970; «Крестьянские войны в России XVII—XVIII веков: проблемы, поиски, решения». М., 1974; А. И. Клибанов. Народная социальная утопия в России. Период феодализма. М., 1977; его же. Народная социальная утопия в России. XIX век. М., 1978.

² В советское время первое крупное исследование по этой проблематике принадлежит В. И. Чичерову (В. И. Чичеров. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI—XIX вв. М., 1957). Следующей существенной вехой явилась книга В. Я. Проппа «Русские аграрные праздники» (Л., 1963). Последние пять лет изучение этих вопросов ведется более интенсивно: «Фольклор и этнография. Обряды и обрядовый фольклор». Л., 1974; Г. А. Носова. Язычество в православии. М., 1975; Э. В. Померанцева. Мифологические персонажи в русском фольклоре. М., 1975; «Из истории семьи и быта сибирского крестьянства XVII — начала XX в.» Новосибирск, 1975; Ф. Ф. Болонев. Народный календарь семейских Забайкалья. Новосибирск, 1978; «Русский народный свадебный обряд». Л., 1978; Н. Н. Велецкая. Языческая символика славянских архаических ритуалов. М., 1978; В. К. Соколова. Весенне-летние календарные обряды русских, украинцев и белорусов. М., 1979.

³ Ю. В. Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973, с. 86—100.

поведения регулируются почти исключительно общественным мнением. Тем не менее они очень устойчивы, сохраняются на протяжении длительных периодов истории этнической общности и связаны с существенными элементами социального, этнического и религиозного сознания.

При этом объектом конкретного наблюдения исследователя может быть и отклонение от нормы, но лишь для того, чтобы выявить, в чем выражалась норма с точки зрения данной группы.

Наиболее непосредственно этнические и социальные основания крестьянских норм поведения соприкасаются в этике труда. Правда, жизнь крестьян была настолько пронизана трудовыми занятиями и хозяйственными задачами, что этот аспект присутствует в той или иной степени почти во всех этических традициях. Но сейчас речь идет конкретно о поведении при совершении трудовых процессов. Мы имеем в виду, разумеется, не производственные действия и приемы, а традиционные формы взаимоотношений крестьян при исполнении этих действий. Сюда включаются внутрисемейная трудовая этика, традиционные нормы поведения в артели, внутриобщинные принципы поведения в поле, на сенокосе, на лесных работах и пр.

Принципы распределения трудовых обязанностей в семье, определявшие как хозяйственной целесообразностью, так и особенностями структуры семьи, и связанные с ними нормы поведения «большака», «большухи» и других членов семьи (при раздаче и получении заданий, выполнении их, оценке результатов) были глубоко традиционны, хотя и испытывали в XIX в. определенное влияние технических новшеств и социальных изменений.

Устойчивыми нормами определялось поведение крестьян в начале крупных сезонных сельскохозяйственных работ (например, начало сева); в ходе своеобразного соревнования (взаимоотношения косцов на лугу и др.); при окончании отдельных работ (завершение жатвы и пр.).

По-своему регламентировались возможности праздничного стиля поведения в ходе трудовых процессов: красная одежда и объединение ряда семей для обеда на сенокосе; нарядная сбруя лошадей и состязания в скорости возвращавшихся порожняком при перевозке навоза и т. п.

Особое место в кругу вопросов этики труда должны занять помочи — совместный труд людей, приглашенных хозяином для аккордного завершения какого-либо хозяйственного этапа (жатвы, сенокоса, уборки сена, вывоза хлеба или леса, постройки дома и пр.), с обязательным общим угощением, выставленным хозяином соответственно его возможностям. С помочами связан целый комплекс этических представлений и норм поведения. В XIX в. помочи по-прежнему широко распространены во многих районах России. При исследовании важно выяснить, эволюционировали ли помочи в одну из форм применения наемного труда или сохраняли свою традиционную сущность — помощь соседям члену общины — мира. От степени проникновения наемного труда в помочи зависела и динамика соответствующего этического комплекса.

Вопрос о помочах как традиции трудовой помощи может быть сформулирован более широко: помощь в хозяйстве родственникам (за пределами семьи), товарищеская помощь в артели (в частности, в трудных условиях дальних промыслов), трудовая помощь погорельцам. К нему примыкает вопрос о нормах поведения во время стихийных бедствий — пожаров, наводнений, кораблекрушений и т. д.

С этическими традициями трудовой помощи были связаны некоторые стороны крестьянской благотворительности. К ней относятся, например, выделение пая больным, увечным и семьям умерших членов артелей, общинная опека сирот и др.

Качественно отлична от трудовой помощи милостыня. В связи с подачей милостыни сложился свой круг крестьянских традиций, определяющий во многом поведение и просящего и дающего. Нуждаются в анализе

такие факты, как различия в подаче милостыни своим и чужим (из отдаленных мест), погорельцам, каноны помощи странникам, поведение в отношении юродивых, милостыня «несчастненьким» — арестантам.

В предмет исследования этики труда должны войти и нормы поведения, связанные со сроками работ: распределение трудовой деятельности в течение дня, по дням недели, некоторые этические принципы, связанные с последовательностью работ в одном сезоне. В семье продолжительность рабочего дня различалась в зависимости от пола, возраста, положения в семейной иерархии. Богатый материал донесли до нас источники по вопросу об отношении крестьян к работам в воскресный день — отношении нередко противоречивом, как по идейно-нравственным концепциям, так и по фактическому поведению. Этический аспект имело также соблюдение общего срока уборки хмеля, репы, гороха и других культур.

Одна из важнейших проблем исследования крестьянской этики — анализ норм поведения во взаимоотношениях поколений.

Огромная роль преемственности, накопления опыта и межпоколенной передачи его в сельском производстве определяет связь этой проблемы с социально-экономической жизнью деревни. Знание сроков и характера сельскохозяйственных работ во всем многообразии их дифференциации применительно к климату, микроклимату, особенностям культур; владение во всей необходимой для успеха полноте навыками и приемами обработки полей и готового продукта, ухода за скотом, промыслов и пр. — все это шло от старшего поколения. Традиционность лежала в основе производства при отсутствии или слабой развитости техники и науки. Только применение коллективного опыта многих поколений предшественников, очень конкретного, связанного со спецификой района, обеспечивало достаточной продукцией при примитивных орудиях труда. Отсюда — авторитет стариков в семье и общине и соответствующие этические традиции.

Для позиций стариков имела значение также роль обычая в социальных отношениях деревни. Известно, что обычное право в поземельных отношениях признавалось в известной мере даже властями, тем более оно было действенным во внутриобщинных делах. В деловых бумагах разного типа, исходивших от крестьян, постоянно встречаются ссылки на действия или права своих прадедов, дедов и отцов в обоснование собственных поступков или прав. В социальных и юридических представлениях крестьянина присутствует цепь предшествующих поколений, осознаваемая как опора в нелегкой жизни труженика.

На объем повинностей, выполнявшихся дедами и отцами, ссылались крестьяне, сопротивляясь увеличению ренты. Обычай — один из регуляторов уровня феодальной эксплуатации. И здесь хранителями обычая, живыми носителями этой важной для крестьянства информации были, как и в поземельных отношениях, те же старики. В районах, где колонизация была недавним или продолжавшимся еще процессом, в ореол, которым окружали память предков, входила и роль их как основателей селений, осваивавших данную территорию. В любом районе предок — основатель данного хозяйства, строитель данного дома.

Уважительный тон был принят по отношению к предкам соответственно и в повседневных суждениях. Крестьянскому сознанию изучаемого периода присуще при сопоставлении поколений отдавать предпочтение предшественникам. Уважение к предкам определяло и отношение к живым представителям старшего поколения, тем более, что авторитетом их решались вполне реальные сегодняшние дела на сходке и в неразделенной семье. (Из стариков состояли неформальные органы власти в общине: «суд стариков» и наиболее авторитетная «фракция» сходки.) В нормативы крестьянской этики входила задача угодить старикам. Отсюда шел и определенный стиль поведения самих членов старшей по возрасту группы общины: известная уверенность в себе, опиравшаяся на осознание значения своей возрастной группы в жизни общины.

Эта проблема имеет и другой существенный, на наш взгляд, теоретический аспект: место предков в крестьянском мировоззрении и влияние этого комплекса взглядов на нормы поведения младших в отношении старшего поколения. Соответствующие религиозно-нравственные идеи православия, а также сохранение в XIX в. элементов культа предков (например, поминальные моменты в весенних аграрных праздниках) и поклонения покровителям дома и рода («Хозяину», «Хозяйке») освящали преемственность, верность традициям, заветам дедов и отцов.

Нам уже приходилось обращать внимание на идею смены возрастных этапов в жизни человека как одну из основных в системе календарных обрядов⁴. Она увязывалась с идеей смены поколений и тесно переплеталась в смысловом содержании обрядов и в крестьянском мировоззрении с идеей взаимовлияния человека и природы. Сопоставимость и взаимодействие человеческих жизненных циклов и циклических явлений природы — устойчивая и существенная черта крестьянского мировоззрения.

Обращение к предкам, как бы приобщение умерших к празднествам, органично входило во все календарные обычаи. Особенно выражено было это на Фоминой неделе, следовавшей за пасхальной. Вторник этой недели — родительский день (в древности — радуница) — отмечен глубоким взаимопроникновением православных и дохристианских обрядов. В описаниях 1880—1890-х годов отмечены такие элементы обряда обращения к предкам в родительский день, которые соответствуют обрядам, упоминаемым в источниках домонгольской эпохи. Вряд ли можно говорить здесь о механическом сохранении пережитков языческого культа, о синкретизме взглядов или о двоеверии. Скорее это проявление единого мировоззрения; различным было лишь происхождение отдельных форм его выражения.

В единстве жизненных циклов участвуют и ушедшие из жизни. Народное мировоззрение подключало к естественной смене возрастов, воплощавшейся в календарных обрядах, и посмертное существование: в содержательной основе праздников переплетались циклы внутри жизни одного поколения и циклы «жизнь — смерть — новая жизнь». Новая жизнь — и в смысле смены поколений, и в смысле участия усопших в жизни живых⁵. В «прощеный день» масленицы просили прощения не только у живых, но и у умерших, ездили за этим «на могилки». Имелось в виду не только поминовение усопших, которому посвящена последняя суббота (дедовская) перед масленой неделей, но и обращение к ним за прощением — за все вольные и невольные обиды, причиненные им при жизни. Полное нравственное очищение «прощеного дня» этим усиливалось — так его понимало крестьянство.

Соблюдение всех принятых знаков внимания к предкам есть залог благополучия семьи. Это представление, несомненно, накладывало отпечаток на отношение к старым людям, приближавшимся к смерти, на формы поведения с ними. К тому же старики чаще всего были главными авторитетами в религиозно-нравственной и обрядовой традиции. Стариками по возрасту были обычно и ведуны, колдуны и знахари, оказывавшие определенное влияние на взаимоотношения и настроения односельчан.

В исследовании связи крестьянского мировоззрения и этики взаимоотношения поколений заслуживает внимания, на наш взгляд, идеал старца-пустынника. Несомненно, представления русских крестьян в этой части

⁴ М. М. Громыко. Дохристианские верования в быту сибирских крестьян XVIII—XIX веков. — «Из истории семьи и быта сибирского крестьянства в XVII — начале XX в.» Новосибирск, 1975, с. 71—85; *её же*. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975, с. 113—115.

⁵ В. И. Чичеров. Зимний период русского земледельческого календаря XVI—XIX вв. (Очерки по истории народных верований). — «Труды Ин-та этнографии АН СССР», т. XL, М., 1957, с. 203.

испытывали влияние церковной литературы; но при этом следует иметь в виду, что литературный образ старца в свою очередь восходит к устойчивому фольклорному персонажу — мудрому старику, дающему советы⁶. В определенных условиях идеал старца-пустынника вступал во вполне конкретное взаимодействие с нормативами крестьянского поведения. Так было, например, в ходе освоения незаселенных территорий, где пустынножительство обрастало целой системой этических норм, связанных с вольной колонизацией и крестьянским побегом⁷.

В русских сказках грубое обращение со стариками непременно наказуется, а за почтительность даже к чужим, незнакомым старым людям следует награда: мудрый совет, помогающий успеху⁸.

В традиционную систему крестьянского отношения к старикам социально-экономическая действительность XIX в. вносила свои коррективы: предпринимательство выдвигало на первый план инициативу, оттеснявшую верность опыту предшественников; задача интенсификации сельскохозяйственного производства и вторжение техники создавали иллюзию ненужности тех знаний, которыми обладали поколения. Насколько глубоко затронул этот процесс крестьянскую этику? Ответ следует искать не только в сопоставлении разновременных материалов, но и в параллельном рассмотрении сведений о нормах поведения в районах с разным уровнем социально-экономического развития.

В числе вопросов межпоколенной этики — родительское благословение и родительское проклятие. Представляется существенным выяснить не только при каких обстоятельствах давалось первое или случалось второе, но и рассмотреть отношение к этим фактам младшего поколения, возможную эволюцию в оценках, связь с религиозно-нравственными взглядами и со всей системой этических традиций во взаимоотношениях поколений.

В рассматриваемую проблему входят и вопросы детской этики, органично связанные с крестьянскими принципами воспитания детей, но составляющие самостоятельный предмет исследования. Следует оговорить также в рамках данной проблемы изучение норм поведения в последние часы жизни, «в последний срок». Русская крестьянская этика имела четкие традиции в этой области, зафиксированные в источниках.

Представляется существенным для изучения русских этических традиций анализ норм соседских взаимоотношений в деревне. Прежде всего необходимо выяснить границы самого понятия «сосед» в крестьянской трактовке. Речь пойдет об узком и расширенном вариантах употребления термина. Кроме того, характер соседской этики варьирует в зависимости от совпадения или несовпадения родственных и соседских связей. (Этот вопрос тесно связан с определением понятия «конец» селения.)

При широком распространении практики взаимной выручки соседей существовала в то же время достаточно жесткая регламентация в этой области. Так, например, в соседском займе утвари одни ограничения определялись представлениями о репутации хорошего хозяина или хозяйки, исключавшей отсутствие в доме того или иного предмета. Другие запреты были вызваны мистическими представлениями, связанными с

---

⁶ Образное воплощение этой связи есть в сказке «Икона-Микола»: Никола угодник обращается в дедушку, который дает советы Ване. «Русские сказки и песни в Сибири и другие материалы». — «Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела ИРГО. По этнографии», т. 1, в. 1, Красноярск, 1902, с. 15—17, 99—101.

⁷ Н. Н. Покровский. Крестьянский побег и традиции пустынножительства в Сибири XVIII в. — «Крестьянство Сибири XVIII—XX вв. Классовая борьба, общественное сознание и культура». Новосибирск, 1975, с. 19—49; Т. С. Мамсик. Побег как социальное явление. Приписная деревня Западной Сибири в 40—90 гг. Новосибирск, 1978, с. 184—193.

⁸ Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929; № 610, 766, 831, 966, 982; «Русские сказки и песни в Сибири...», с. 65, 66, 75; «Песни и сказки пушкинских мест. Фольклор Горьковской области», в. 1. Л., 1979, с. 223, 224.

магией (опасение, что взятый взаймы предмет будет использован для колдовства против хозяина).

Рассмотрение традиций соседства должно быть связано с двумя основными теоретическими вопросами: 1) институтом территориальной общины и развитием этики соседских отношений; 2) влиянием социальной дифференциации на нормы поведения соседей.

Следующая большая проблема или, скорее, раздел в исследовании этических традиций — нормы поведения во время отдыха, этика досуга. Здесь можно выделить прежде всего два комплекса вопросов: этика досуга будней и этика праздника.

Коллективные развлечения будних дней создали свой набор принципов и норм поведения. В источниках он довольно хорошо представлен в связи с вечерками, или беседами: принятые формы поведения молодежи; различие, в частности, дозволенного в своем и в чужом доме; обязанности девушек и парней в подготовке беседы; разница в нормах поведения для парней своей и чужой общины и пр. Определенные этические традиции вступали в силу во время драк, случавшихся после посиделок.

Исключительно богата русская крестьянская этика гостеприимства. Традиция достаточно подробно регламентировала поведение хозяев и гостей, дифференцированное в зависимости от обстоятельств. Особое место занимает система сезонных сроков, в какие было принято гостить у родственников: определенные сроки для девиц — когда гостить у подружек или родных; свои сроки для молодоженов — когда гостить у тещи; иные — когда теща гостит у молодых и т. д. Эта система имела связи с хозяйственным и обрядовым календарями, со структурой семейных отношений, но до сих пор почти не привлекала внимание исследователей.

Различались приемы гостеприимства для своих (родственников) и чужих, для приглашенных и нежданных гостей. В ряде ситуаций широта гостеприимства имела ритуальный оттенок (угощение посторонних на свадьбах и поминках; например, на поминках нищему давались лучшие блюда со стола с просьбой «помянуть покойную головушку» такого-то). Народные приемы угощения и своего рода соревнования хозяек в хлебосольстве сопровождались характерными выражениями и присловьями, стиль которых тесно связан с определенными этическими представлениями.

В рассматриваемый раздел следует включить также изучение этики проводов и прощанья. Описания поведения при проводах в рекруты, на заработки, в монастырь и пр. фиксируют традиционные компоненты и новые явления, внесенные в «проводины» изменениями социальной действительности.

Исследование этики праздника в значительной мере облегчено тем, что разработан большой материал календарных праздников разных народов, позволяющий проводить сравнительный анализ⁹. Непосредственно реконструкция обрядов и семантический анализ их не входят в предмет исследования этических традиций. Но есть, на наш взгляд, такой подход к обрядам, который имеет прямое отношение к рассматриваемому предмету. Кратко его можно определить так: обряд как регулятор поведения. Регулирующая, регламентирующая роль обряда в поведении на празднике представляется достаточно очевидной. Но сложность состоит в том, чтобы для конкретного исследования этой части крестьянской этики сформулировать набор вопросов, на которые могут дать ответ письменные источники.

В какой мере календарный обряд еще продолжал играть роль в крестьянских праздниках XIX в. (количественный охват участников, время подготовки, длительность в системе праздника)? Как относились

⁹ «Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Зимние праздники». М., 1973; То же. «Весенние праздники». М., 1977; То же. «Летне-осенние праздники». М., 1978.

крестьяне к обряду или отдельным сохраняющимся его элементам (непосредственное участие в его исполнении; благожелательное и уважительное наблюдение со стороны; критическое, ироническое отношение)? От ответа на эти вопросы, естественно, зависит и степень внимания в ходе исследования к нормам поведения, связанным в большей или меньшей мере с обрядом.

С содержанием обряда могли быть связаны традиционные регламентации в очень далеких от самого ритуала областях крестьянской жизни. Например, с освящением плодов на «второй Спас» (6 августа, преображение) связан был в некоторых районах запрет есть горох до этого срока и соответствующие нравственные представления вокруг нарушений этого запрета¹⁰.

В ходе праздника обряд тесно переплетался с народными зрелищами, гуляньями, состязаниями, определяя отчасти их характер и сроки. Но этические традиции этих развлечений развивались и самостоятельно под влиянием других факторов.

Поясним сказанное на материале мало изученного календарного праздника — «фроленья». В одних районах в первое воскресенье после Петрова дня (29 июня), в других — на Флора и Лавра (18 августа) в деревнях проходил праздник с освящением коней («конная мольба») и большими конными состязаниями. В Вельском уезде (Вологодская губ.), например, в этот день русские крестьяне задолго до заутрени съезжались в село со всего прихода. Полагалось с каждого двора привести на погост если не всех лошадей, то хотя бы одну. Ехали на тарантасах, запряженных по большей части тройками; иногда в одну тройку впрягали лошадей, принадлежавших разным людям. Можно было приехать и верхом. Приезжали крестьяне и из соседних (ближних) приходов. Съезд продолжался во время заутрени и обеда. После молебна участники обряда «чуть не бегом» бросались отвязывать коней и верхом подъезжали к церковной паперти, где стоял ушат с освященной водой, и священник ковшом плескал на лошадей в первом ряду. Зрители спешили отойти в сторону. Всадники старались обмыть голову коня, особенно глаза, уши и ноздри. Затем каждый объезжал вокруг церкви и останавливался опять против паперти, в последнем ряду, ожидая, когда до него снова дойдет очередь.

Когда вода в ушате кончалась, все участники выезжали из ограды и устремлялись на «буево» — большую площадь недалеко от церкви. Здесь-то и начиналось собственно «фроленье», или «хроленье» (от Фрола — Флора), — своеобразное катанье на лошадях — состязание в верховой езде. Буево проезжали всей толпой, взад и вперед. Лошади были увешаны множеством «шеркунов» (колокольчиков); всадники — в рубахах, с ремнями (вид плети) в руках. В этом массовом заезде участвовали опытные ездоки; начинающие плелись сзади, боясь быть смятыми. Задача состояла в том, чтобы показать свое искусство в верховой езде и качества лошади. Здесь, на буево, вступали в силу спортивно-игровые нормы поведения. В условия состязаний входило, например, правило стегать лошадь чужую, а не свою. Зрители толпились по краям буево; знатоки следили за посадкой всадника, за особенностями хода лошади, за соблюдением правил. Допускалось и более активное участие зрителей в происходящем: утомленный всадник отъезжал в сторону, чтобы переменить лошадь; кто-либо из зрителей держал при этом лошадь, но едва седок касался крупы, державший сильным ударом гнал коня в гущу состязавшихся¹¹.

Верховая езда на площади приурочивалась к обряду освящения коней. Ее сроки в течение дня, ее массовость были связаны с обрядом. Но

¹⁰ Государственный музей этнографии народов СССР, ф. 7 — В. Н. Тенишева (далее — ГМЭ, ф. Тенишева), оп. 1, д. 104, л. 3.

¹¹ Там же, л. 8—9.

состязание не входило в обряд; в этой части праздника вступали в действие свои нормы поведения, не имевшие отношения к ритуалу.

При изучении этики праздника возникают еще две проблемы, исследование которых находится на грани с литературоведением. Первая из них — этические традиции и «смеховая» культура — может быть сформулирована в прямой связи с литературоведческими исследованиями последних лет, давшими глубокую характеристику традиционной русской «смеховой» культуры¹². Д. С. Лихачев и А. М. Панченко поставили проблему комического в русской народной культуре в тесной связи с мировоззрением народа и в таком широком охвате (включив в нее не только зрелища и ритуалы карнавального характера, но и поведение юродивых, некоторые аспекты политики и др.), что открыли дополнительные возможности для этнографического и фольклористического подходов к этому кругу вопросов. Применительно к нашему предмету задача исследования может быть сформулирована так: выяснить, в какой мере традиции народной «смеховой» культуры влияли на крестьянские нормы поведения в ходе праздника; в какой мере нарушение этической традиции с целью вызвать смех (а часто и с оттенком протеста против канонов и регламентаций) само превращалось в определенных условиях в традиционную норму поведения.

Соприкасается с литературоведением также изучение проблемы соотношения христианской этики и дохристианских обрядов. Крестьянские традиции допускали в этом отношении много вольностей по сравнению с церковными канонами, а крестьянское мировоззрение подкашивало выходы из этого противоречия. Такими выходами были, например, смывание «греха игрищ на Крещение в „Иордани“» (т. е. в проруби, над которой совершено церковное водосвятие), считавшееся особенно нужным для тех, кто на Рождество рядился чертом и «прочей нечистью»; или «прощеный день» масленицы, когда после разгульной недели все просили друг у друга прощенья ради нравственного очищения¹³.

Новый взгляд на соотношение христианских и нехристианских этических норм в ходе праздников дают недавние результаты исследований литературоведов, проследивших преломление принятых церковью обрядов и идей в народной карнавальной культуре и мировоззрении¹⁴.

Особый раздел исследований крестьянских этических традиций должен составить анализ форм приветствий. В какой мере устойчивый набор приветствий, бытовавший в той или иной местности, был связан с этническими особенностями населения¹⁵? Материалы, собранные по программе В. Н. Тенишева, позволяют, по-видимому, дать ответ на этот вопрос.

Заслуживает внимания многообразие приветствий, дифференциация их по обстоятельствам встречи, по возрасту, полу, числу встречающихся. Различались приветствия родственников и чужих, знакомых и незнакомых. Специальный набор приветствий был связан с разными трудовыми занятиями, за которыми заставляли хозяина или хозяйку дома. Традиция предлагала и хозяевам соответствующие ответы на такие приветствия-пожелания, дифференцированные по видам труда.

¹² Д. С. Лихачев, А. М. Панченко. «Смеховой мир» Древней Руси. Л., 1976.

¹³ Этот обычай в XIX в. особенно устойчиво сохранялся в северных губерниях Европейской России и в Сибири. «По свидетельству наших корреспондентов, в некоторых центральных губерниях он уже почти не существует, но зато в лесных губерниях севера, где обычай вообще устойчив и крепки, „прощение“ соблюдается весьма строго и существует даже особый ритуал его». (С. В. Максимов. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903, с. 371); М. М. Громыко. Трудовые традиции русских крестьян Сибири, с. 116—120.

¹⁴ Н. В. Поньрко. Русские святки XVII в.—«Текстология и поэтика русской литературы XI—XVII веков». («Труды отдела древнерусской литературы Ин-та русской литературы», в. XXXII), Л., 1977, с. 84—99.

¹⁵ Вопрос этот имеет и диалектологический аспект, который выходит за рамки нашего предмета исследования.

Иной набор приветствий был принят при встречах на улице — здесь четче проступали возрастные и половые различия в обращениях, нередко включавших и формы фольклорных образных выражений. Приветствия в форме пожеланий были в ходу и при встречах на дальней дороге, в поле.

Различия между этими традиционными наборами приветствий, употреблявшимися при разных обстоятельствах (в доме, на улице, на празднике, в дальней дороге, в поле), определялись, по-видимому, особенностями хозяйства, быта, нравственно-этических представлений. Эти связи подлежат исследованию.

Приветствия, обращаемые к лицам иного социального положения, отличались от обращений и форм выражения вежливости, бытовавших в своей среде. Степень проявления местных особенностей в них была менее выражена, больше сказывалось влияние города. Некоторую специфику имели и приветствия, адресованные представителям иной этнической общности, которых в свою очередь узнавали и по характеру приветствий (не только в плане языковых особенностей). В целом эту проблему можно определить так: значение форм приветствий как знаковой системы для различения «мы — они».

Рассмотрение норм поведения тесно связано с анализом регуляторов этических традиций, прежде всего общественного мнения. Регулирующая роль общественного мнения в сохранении этических традиций наиболее конкретно может быть выявлена в связи с вопросом об индивидуальной репутации. Что становилось предметом осуждения, а что вызывало одобрение и даже восхищение в своей этнической и социальной среде? При исследовании этого вопроса необходимо сочетание источников, отражавших идеалы русского крестьянства (преимущественно фольклор), с конкретными документами (волостные материалы, некоторые дела констаторий и заказов, общинные приговоры, краеведческие корреспонденции с мест). Последние позволяют выявить набор разнотипных крестьянских репутаций, достаточно репрезентативных для данной местности.

Почти все названные проблемы включают в той или иной степени вопросы семейной этики. Тем не менее этика взаимоотношения полов (юношей и девушек, супругов и пр.) составляет, несомненно, особый раздел исследования этических традиций, заслуживающий специальной статьи о круге входящих в него проблем и вопросов. Здесь лишь отметим, что за последнее время уже сделаны существенные шаги в постановке некоторых из этих проблем и раскрытии их на локальном материале историко-этнографического исследования¹⁶.

В какой мере решение названных проблем обеспечено источниками?

Самый обильный по широте охвата территорий и кругу освещенных вопросов, а также степени детализации отдельных моментов материал содержится в фонде Этнографического бюро В. Н. Тенишева¹⁷. 491 вопрос включил Тенишев в опубликованный расширенный вариант своей программы¹⁸, но раздела, посвященного специально этике, в программе

¹⁶ Н. А. Миненко. К изучению семейной этики сибирского крестьянства второй половины XVIII в.— «Крестьянство Сибири XVIII — начала XX в. Классовая борьба, общественное сознание и культура»; *ее же*. Взаимоотношения супругов в русских крестьянских семьях Западной Сибири XVIII — первой половины XIX в.— «Сов. этнография», 1978, № 2; *ее же*. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первой половины XIX в.). Новосибирск, 1979, с. 123—156.

¹⁷ ГМЭ, ф. Тенишева. Об этом фонде см.: Н. Начинкин. Материалы Этнографического бюро В. Н. Тенишева в научном архиве Государственного музея этнографии народов СССР.— «Сов. этнография», 1955, № 1, с. 159—163; С. А. Токарев. История русской этнографии. М., 1966, с. 403—406; М. Г. Рабинович. Этнографическое описание города в России в конце XIX — начале XX в. (Программа В. Н. Тенишева).— «Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии» (далее — «Очерки...»), в. IV. М., 1968; Э. В. Померанцева. Художник и колдун.— «Сов. этнография», 1973, № 2.

¹⁸ В. Н. Тенишев. Программа этнографических сведений о крестьянах Центральной России. Смоленск, 1897.

нет. Однако свыше 30 вопросов имеют прямое отношение к крестьянским этическим традициям, а многие другие — косвенное. Ко времени деятельности Бюро Тенишева русская этнография накопила огромный опыт составления программ и ввела в научный оборот обширный и многообразный материал ответов. Тенишев опирался на этот опыт, и потому многие пункты его программы разработаны подробно, предусматривают варианты явления, снабжены примерами; вопросы нередко носят подсказывающий характер, и подсказка опирается на вполне конкретные факты, зафиксированные ранее специалистами и неоднократно уже подтвержденные к тому времени.

Приведем некоторые из обстоятельно разработанных разделов программы, имеющих непосредственное отношение к сформулированным нами проблемам.

В разделе «Е) Отношения крестьян между собой и к посторонним лицам» пункт 107 назван «Личные отношения» и раскрывается таким образом: «Как ведут себя крестьяне при встрече: старики, бабы, молодежь, дети? Как здороваются, прощаются, какие делают жесты и чем выражают почтение? Зовут ли по имени и отчеству? Какие заводят преимущественно разговоры?»

Какое влияние на отношения имеет разница в имущественном положении? Как меняются отношения между крестьянами в зависимости от перемены в имущественном или ином положении?

Гостеприимство. Насколько оно развито? Когда идут в гости? Надевают ли для этого лучшую одежду, берут ли с собой подарки? Какой оказывают гостю прием? Посещение за делом. Просьба оказать услугу. Насколько она исполняется? Имеется ли в виду непременно получить возмездие, или обычаем принято помогать соседям и односельчанам?

Специально соседские отношения. Отношения к влиятельным лицам. Тон разговора с ними. Отношения к приезжим из ближайших деревень. Отношения к приезжим из далека, к чужестранцам. Как с ними поступают, если они просят на ночлег?»¹⁹.

В этом пункте затронуты разные разделы этики. Представлены эти разделы вопросами неравномерно: так, четко поставлены вопросы о приветствиях, но скупо отражен обширный этикет гостеприимства; совсем не раскрыты вопросами соседские отношения и т. д. Несмотря на это, именно благодаря 107 пункту в фонде Тенишева были собраны разнообразные, очень конкретные сведения об этических традициях.

В разделе «Договоры вообще» пункт 137 направлял сбор информации для характеристики одного из важных аспектов крестьянской этики: «Какое значение у крестьян придается вообще договору или данному кем-либо обещанию? Считает ли народ за грех, стыд или проступок не исполнить слова, обещания или договора (поговорка: до слова держись, а за слово крепись)? Каковы понятия крестьян, выражаемые в пословицах, например: уговор дороже денег; на чем рядишь, на том и едешь, и т. п.?». В разделе «Наем» два пункта (163 и 164) были посвящены помочам и раскрыты девятью вопросами.

Разумеется, ответы информаторов, как это случалось со всеми существовавшими ранее и составленными позже программами, были очень различны по уровню и по степени освещения тех или иных вопросов. Но оставляя без ответа многие вопросы Тенишева, рукописи с мест в то же время нередко восполняли недочеты программы, давая живой материал о крестьянских нормах поведения при обстоятельствах, совершенно забытых составителем анкеты.

1866 рукописей фонда охватывают 23 губернии Центральной и Северной России. Все рукописи составлены в период 1896—1900 гг. Огромное

---

¹⁹ В. Н. Тенишев. Указ. раб., с. 31, 32.

значение тенишевских материалов в том, что они дают сопоставимые по времени ответы для обширной территории.

Этические традиции, зафиксированные в рукописях информаторов Бюро Тенишева, формировались и бытовали в течение многих десятилетий, а иные — в течение столетий. В этом смысле записи конца XIX в. содержат информацию о всем рассматриваемом периоде. Тем не менее задача выявления динамики (либо аргументированной констатации отсутствия ее) в крестьянских нормах поведения и нравственных воззрениях требует сопоставления данных этого комплекса источников с более ранними.

В рамках того же типа источников (записей наблюдателей по заданной программе, составленной с исследовательской целью) следует обратиться, прежде всего, к ответам на первую программу Отделения этнографии Географического общества, изданную в 1848 г.²⁰ Ответы, как известно, частично опубликованы в шести выпусках «Этнографического сборника» (с 1853 по 1874 г.) и других изданиях Географического общества; неопубликованные рукописи, а также расширенные (не претерпевшие редакционного сокращения) варианты изданных текстов отложились в архиве Географического общества. Программа лишь косвенно затрагивала вопросы этики, поэтому в ответах на нее сведения о нормах поведения немногочисленны и вкраплены в описания других сторон крестьянской жизни.

Материалы по обычному праву, собранные по программам Отделения этнографии (1864 г.) и Комиссии о народных юридических обычаях (1877 г.) Географического общества, в значительной части опубликованные²¹, также лишь фрагментарно включают сведения по этическим традициям. Представляет интерес сопоставление этих сведений с аналогичными материалами, полученными по программе Министерства государственных имуществ в 1847—1848 гг., посвященной тоже юридическим обычаям²².

К рассматриваемому типу источников следует отнести и описания наблюдателей, сконцентрированные в личных фондах собирателей и организаторов сборов. Большинство личных фондов мало использовалось этнографами (их привлекали преимущественно для изучения биографии и деятельности исследователя). Между тем в них попало немало ответов на названные выше программы, а также другие записи непосредственных наблюдений²³.

Особо следует оговорить обширный фонд Е. Н. Елеонской (1568 ед. хр.), хранящийся в Государственном Литературном музее (ф. 212 и 52).

²⁰ Н. Н. Степанов. Русское географическое общество и этнография.— «Сов. этнография», 1946, № 4; М. Г. Рабинович. Ответы на программу Русского географического общества как источник изучения этнографии города.— «Очерки...», в. V. М., 1971; Л. М. Сабурова. Русское географическое общество и этнографические исследования (революционный период).— Там же, в. VII. Л., 1977; М. М. Громыко. Этнографические и фольклорные источники в исследовании общественного сознания русских крестьян Сибири XVIII — первой половины XIX в.— «Источниковедение отечественной истории». 1976. М., 1977, с. 100—105.

²¹ «Этнографический сборник», в. 6. СПб., 1864; «Программа для собирания народных юридических обычаев». СПб., 1864; Р. С. Липец. Изучение обычного права в конце XIX — начале XX в.— «Очерки...», в. IV. Число вопросников по обычному праву и после 1877 г. продолжало увеличиваться. См. также Е. Якушкин. Обычное право. Материалы для библиографии. в. 1. Ярославль, 1876; в. 3, 4. М., 1904, 1907.

²² См. Центральный государственный исторический архив (ЦГИА), ф. Министерства государственных имуществ. См. также публикации в «Журнале Министерства государственных имуществ» конца 1840—1850-х годов.

²³ Назовем некоторые из личных фондов, требующих внимания в связи с выделением предметом исследования: П. И. Савваитова в Архиве Ленинградского отделения Ин-та истории СССР АН СССР (ф. 34 и 117, содержащие 4344 ед. хр.); Н. И. Надеждина (ф. 167) и П. С. Савельева (ф. 383) — в Ин-те русской литературы АН СССР (Пушкинский дом); М. П. Погодина в Центральном государственном архиве литературы и искусства (ф. 373); И. И. Срезневского в Архиве АН СССР (ф. 216, 4276 ед. хр.); Василия Васильевича Григорьева в ЦГИА (ф. 853) и др.

Он примыкает к материалам Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (ОЛЕАЭ), секретарем и одним из активнейших деятелей фольклорной комиссии которого была Елена Николаевна. В Литературном музее хранится и фонд самой Комиссии по народной словесности (ф. 23)²⁴. Материалы, собранные экспедициями Этнографического отдела ОЛЕАЭ, и тексты, представленные корреспондентами с мест по программам отдела, сосредоточены теперь в архиве Института этнографии АН СССР²⁵.

Для нашей темы представляют интерес преимущественно комментарии о поведении крестьян, которыми сопровождали иногда корреспонденты ОЛЕАЭ свои описания материальной культуры или фольклорные записи. Хронологические записи информаторов ОЛЕАЭ нередко оказываются старше сроков существования самого общества (основано в 1864 г.), так как присылались и накопленные ранее тексты.

Обширную группу источников (типологически близкую к рассмотренной) составляет местная периодика, современная изучаемому периоду: «Губернские ведомости» и «Епархиальные ведомости».

«Положение 1837 г.» предписывало издание правительственных газет во всех губерниях. «Ведомости» начали выходить с 1838 г. и дают хронологически сплошной пласт информации до 1917 г. Как известно, «Губернские ведомости» состояли из официальной части, где печатались указы и предписания властей, объявления казенных учреждений и пр., и неофициальной, включавшей богатый краеведческий материал. Статьи неофициальной части, отражавшие быт, нравы, обычаи, обряды и фольклор местного крестьянства, и являются одним из источников для изучения народных этических традиций.

Авторами этих материалов были, как правило, люди местные, непосредственно наблюдавшие поведение крестьян, делавшие записи с их слов, хорошо знавшие русскую деревню. Большинство их выросло в деревне. В этом несомненное преимущество публикаций «Губернских ведомостей» как источника перед записками путешественников, докладами заезжих чиновников и других наблюдателей, сделанными если и добросовестно, то нередко без достаточного проникновения во внутренний мир деревни. Некоторые из материалов «Губернских ведомостей» дублируются в статистических сборниках тех же губерний или в изданиях Русского географического общества.

«Губернские ведомости» объединяли местные краеведческие силы. Вокруг этого издания создавался обычно кружок, включавший нередко и ссыльных (например, в Вологде—Н. И. Надеждин, В. И. Соколовский), связанный с Географическим обществом и центральными изданиями. Все это обеспечивало некоторую целенаправленность собирательства и относительную научность отбора материалов. Так, Н. А. Полиевктов, возглавлявший с 1879 по 1886 г. неофициальную часть «Вологодских губернских ведомостей», составил программу для сбора этнографических и фольклорных сведений, включившую в себя и программу РГО²⁶.

С 1860 г. начали выходить «Епархиальные ведомости» (первые — в Ярославской епархии), неофициальная часть которых помещала местные историко-статистические описания, включавшие значительный этнографический материал. В отдельных корреспонденциях встречаются сведения об этических взглядах и нормах поведения, степень достоверности

²⁴ Э. В. Померанцева. Комиссия по народной словесности Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии.— «Очерки...», в II, М., 1963.

²⁵ О деятельности Отдела см. Р. С. Лунец, Т. С. Макашина. Роль ОЛЕАЭ в организации русской этнографической науки.— «Очерки...», в III, с. 39—60. О деятельности ОЛЕАЭ в целом см. Т. Д. Гладкова. Антропологический отдел Общества любителей естествознания.— Там же, с. 175—186.

²⁶ В. В. Гура. Вологодский край и его народная поэзия.— «Сказки, песни, частушки. Народное устно-поэтическое творчество Вологодского края». Вологда, 1965, с. XIV.

которых достаточно высока в силу местного происхождения авторов или многолетней службы их в одном селе.

Во всех перечисленных выше видах описаний (опубликованных и неопубликованных, выполненных по программам научных обществ и по собственной инициативе наблюдателей) встречаются фольклорные материалы; нередко именно они составляли основное содержание корреспонденции. Несмотря на тесное соседство с ответами на вопросы программы — в одних и тех же рукописях и публикациях, фольклорные записи следует выделять в особый тип источников по данной теме. Особенности использования этого типа источников в историко-этнографическом исследовании, в частности для изучения общественного сознания русских крестьян, уже отмечались рядом авторов²⁷. Для выявления этических традиций крестьян существенны, прежде всего, нравственные оценки тех или иных поступков, встречающиеся в фольклорных произведениях разных жанров.

В их ряду следует выделить сказки в записях XIX — начала XX в. Значение сказок для исследования этических традиций русского крестьянства удачно определено Н. В. Новиковым: «Избегая прямолинейных нравоучительных сентенций, сказка в то же время как бы изнутри ставит и решает множество этических и других вопросов, идущих из глубин народной жизни»²⁸. При использовании этого содержательного источника есть возможность привлечь результаты анализа фольклористов²⁹.

Следующий тип источников — крестьянские дела в Канцелярии Синода³⁰. Они охватывают всю территорию расселения русских крестьян и весь выделенный период. Но круг затрагиваемых в них вопросов сравнительно узок. Чаще других встречаются крестьянские дела о расторжении брака; о разрешении вступить во второй брак; о наложении эпитимий за преступления и проступки; о лжеучительстве; о притворном кликушестве; о разрешении построить церковь; о раскольниках.

Представляет интерес не только и не столько сам факт, которому посвящено дело, сколько крестьянская аргументация в защиту или в осуждение тех или иных поступков. В синодальные материалы крестьянская точка зрения попадала в прошениях (иногда коллективных), в записях показаний при «повальном обыске», в пересказе местных священников. Например, при «повальном обыске» по поводу расторжения брака фиксировались высказывания крестьян с характеристиками супругов (разбирательство вела консистория, но материалы его поступали затем в Синод); в прошении о сохранении деревни в старом приходе крестьяне писали о значении для них могил их предков, о желании быть похороненными там же и пр.

Синодальные документы помогают разграничить православное и старообрядческое население и, наложив эти данные на локальные сведения других источников об этических традициях, выделить специфику раскольничьей этики.

Описи дел Канцелярии Синода составлены по годам и каждая из них снабжена предметными и именными указателями. В предметных выделены, в частности, все раскольничьи и сектантские дела; в именных — указывается сословная принадлежность. Все это облегчает выявление крестьянских документов.

В официальных прошениях и при опросе официальными лицами крестьяне, естественно, говорили далеко не все, что они думали по данному поводу, иногда и подлаживались под ожидаемое от них. Но с учетом каж-

²⁷ См., например, статьи К. В. Чистова, И. С. Вдовина, Б. Н. Путилова, Э. В. Померанцевой, В. К. Соколовой в сб. «Фольклор и этнография», Л., 1970.

²⁸ Н. В. Новиков. Образы восточнославянской волшебной сказки. Л., 1974, с. 244.

²⁹ Э. В. Померанцева. Судьбы русской сказки. М., 1965; Н. В. Новиков. Указ. раб.,

■ др.

³⁰ ЦГИА, ф. 796.

дой конкретной социальной ситуации, в которой возник документ, из синодальных источников можно извлечь достаточно достоверные сведения об этических традициях. Наиболее существенные из дел, выявленных в Канцелярии Синода, могут быть рассмотрены в более полном варианте в местных архивах, в фондах консисторий. Как правило, в Синод направлялось не только донесение епископа по соответствующему вопросу, но и экстракт из судебного дела, выполненный в консистории и повторяющий дословно прошение крестьянина.

Крестьянские дела, хотя и немногочисленные, но представляющие интерес для нашего предмета исследования, отложились также в фонде Канцелярии по принятию прошений на высочайшее имя³¹.

Некоторые аспекты крестьянской этики отразились в общинных приговорах (в частности, по вопросу об изгнании из общины), сохранившихся как в фондах центральных учреждений (например, в материалах Ревизии государственных имуществ³²), так и в волостных делах.

Заслуживают внимания определенные возможности мемуарных и эпистолярных источников для решения поставленных проблем. В фондах дворянских фамилий, в неопубликованных записках, частной переписке разбросано немало наблюдений над повседневной жизнью крестьян. Таковы, например, «Ежедневные заметки» М. А. Веневитинова³³.

Большой материал о крестьянском быте, описание деревенских развлечений, тексты песен и пр. содержится в «Воспоминаниях из моей жизни» В. Е. Раева³⁴, относящихся к 1803—1845 гг. Художник Раев был сыном крепостного, его наблюдения выражают отчасти крестьянские взгляды.

Крестьянская этика отражена не только в дневниках и мемуарах тех авторов, которые в какой-то мере ставили перед собой задачу бытописания. Данные о некоторых этических традициях могут быть извлечены из рассказа автора-помещика о взаимоотношениях с крестьянами³⁵.

Кратко охарактеризованные нами типы источников далеко не исчерпывают всех материалов, которые можно привлечь для изучения этических традиций русских крестьян XIX в. Но они свидетельствуют о реальности исследования очерченного круга проблем по письменным документам.

PROBLEMS AND SOURCES IN STUDYING THE ETHICAL TRADITIONS OF 19th CENTURY RUSSIAN PEASANTS

The author distinguishes five major fields in studying ethical traditions: behaviour norms in the course of work processes, in the periods of daily rest, at celebrations, in inter-generation relations, in contacts between neighbours. For each of these fields the paper outlines a range of problems to be studied.

Connecting links are outlined between the ethics of inter-generation relations and the peasants world outlook. Targets in studying traditional forms of greeting are formulated. The role of public opinion in preserving ethical traditions is posed as a problem.

The types of written sources upon which studies of the above-named problems as regards Russian peasantry may be based are the following: records by observers compiled according to a set program and preserved in the archives of 19th century scientific societies and in the personal files of the collectors; folklore; peasant files in the archives of local and central institutions (*volost'* offices, administrative bodies of the Orthodox church, etc.); letters, memoirs, etc.

³¹ ЦГИА, ф. 1412. Учреждение это трижды меняло название и реорганизовывалось на протяжении XIX в. См. С. Н. Писарев. Учреждение по принятию и направлению прошений и жалоб, приносимых на высочайшее имя. 1810—1910. СПб., 1909.

³² ЦГИА, ф. 1589. V отделение Собственной ЕИВ Канцелярии.

³³ Отдел рукописей Гос. библиотеки им. В. И. Ленина (ОРГБЛ), ф. Веневитиновых, п. 11, № 8 и 23.

³⁴ Там же, ф. М. 6498, № 2 (а—д); № 4 (а, б).

³⁵ См., например, «Вседневный журнал покойного моего родителя Петра Ларионовича Сафонова, собственной его рукою писанный с 1780 года с июля 20 числа». — ОРГБЛ, М., 2708 а, б. Дневник доведен до 1828 г.; автограф насчитывает 816 стр. П. Л. Сафонов — помещик Смоленской и Орловской губерний.